УДК 316/733"19/20"

Н. Н. Суворов

Новизна в спектре культурных изменений XX–XXI веков: модерн, постмодерн, метамодерн

Природа новизны проявляется не только в неожиданном или ожидаемом появлении, но способна поразному открываться в изменениях культурных периодов. В борьбе нового со старым происходит постоянное мерцание смыслов, которые оказываются либо актуальными, либо устаревшими. Предпринята попытка рассмотрения новизны в аспектах культурных изменений, отношения нового к некоторым характерным принципам. Исследование изменений нового и его трактовок рассмотрено в границах модерна, постмодерна и метамодерна. Возможная перекличка смыслов оказывается как формальной, так и существенной и отражает реальные процессы свободных взаимодействий культурных смыслов. Условность выделения категорий для сопоставления, отмеченных в тексте, не исключает акцентов рефлексии на характерных различиях, отражающих действительные черты культурных парадигм. Исследование новизны, ее природы и изменений в контекстах культуры оказывается важнейшим методом прогнозирования и предвидения дальнейших культурных процессов.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, метамодерн, неопределенность, фрагментарность, ирония, перформанс, смыслы, ценности, символическое

Nikolai N. Suvorov

Novelty in the spectrum of cultural changes of the XX–XXI centuries: modern, postmodern, metamodern

The nature of novelty is manifested not only in unexpected or expected appearance, but is able to open in different ways in changes of cultural periods. In the struggle of the new against the old, there is a constant flickering of meanings that turn out to be either relevant or obsolete. An attempt has been made to address the novelty in aspects of cultural change, the attitude of the new to some characteristic principles. The study of changes in the new and its interpretations is considered within the boundaries of modernism, postmodern and metamodern. The possible roll-over of meanings turns out to be both formal and substantial and reflects the real processes of free interactions of cultural meanings. The conditionality of selecting categories for comparison highlighted in the text does not exclude the emphasis of reflection on characteristic differences reflecting the actual features of cultural paradigm. The study of novelty, its nature and changes in cultural contexts proves to be the most important method of predicting and anticipating further cultural processes.

Keywords: modern, postmodern, metamodern, uncertainty, fragmentation, irony, performance, meanings, values, symbolic

DOI 10.30725/2619-0303-2020-1-82-89

Характеристики новизны различным образом проявлялись в теоретических трактовках в концептуальных схемах модерна и постмодерна. Естественным образом эти трактовки явились не только результатом одних философских спекуляций, но выразили общие представления о новизне, которые изменялись под воздействием понимания различных аспектов жизни и культуры. Изменения общей атмосферы жизнедеятельности и особенностей мышления требуют процедур выбора, осмысления и оценки новаций, которые появляются в культуре повседневности, творческой деятельности и воображаемом. Изменения ощущаются и осмысливаются с разной степенью отчетливости/смутности, по-разному воспринимаются и в различной мере воздействуют на картину мира и способы деятельности. Новизна зависит от точки зрения и, в свою очередь, ее формирует, приучает к зоркости и вкусу, способности понимания актуального. Новое следует суметь увидеть, а увиденное остается как новое качество и формирует экзистенцию.

Обращаясь к некоторым концептуальным различиям, сформулированным И. Хассаном [1, p. 267], касающихся характерных черт модерна и постмодерна, выделим особенности понимания новизны в картине мира XX–XXI вв. и их логичное развитие в границах парадигмального знания.

По мысли И. Хассана, аполлонический взгляд модерна, стремящийся к теоретической стройности, различает лишь исторические связи, а дионисийская интуиция постмодерна, чувственная и подслеповатая, нащупывает толь-

ко моменты разрыва. Поэтому постмодернизм, взывая сразу к двум божествам, получает двойное зрение, в котором одновременно видятся: сходство и различие, единство и раскол, наследование и отторжение. Появившись во второй половине XX в. как определяющая парадигма эпохи, постмодерн постепенно эволюционировал, видоизменялся и приобретал новые черты. Спорность названия культурной эпохи не освобождала ее от фиксирования и осмысления изменений, которые по своим особенностям выходили за пределы только постмодернистской парадигмы и нуждались в уточнении, а порой и новом поименовании. Вызовы времени ставили новые вопросы и обновляли многие аспекты прежних проблем, да и сама новизна оказывалась в режиме постоянного изменения и нового поименования. То, что казалось окончательно устаревшим и почти забытым, вдруг принималось как явление нового дня. Метаморфозы нового и старого касались морали, религии, искусства, политики и становились ожившими воспоминаниями о недавнем прошлом.

В связи с изменениями, произошедшими в культуре, политике и экономике в начале XXI в. потребовали своего уточнения многие процессы, которые затрагивают представления о возникновении и понимании новаторства в различных сферах культурной практики. Изменения в экономике и политике отразились не только в глобальных процессах развития, но и в мирочувствии и миропонимании, в сфере повседневности и движении культуры. В теоретической литературе был предложен новый термин – «метамодерн», отражающий некоторые изменения в постмодерне или характеристику типа культуры, пришедшего на его смену. Некоторые теоретики [2, p. 5677] предложили найти «средние» определения для формулирования новых проблем, которые следует трактовать соединением, как с модерном, так и с постмодерном и выявление некоторого среднего, но имеющего новую качественность. Очевидно, что теоретическая задача оказалась достаточно трудной, поскольку высокая степень неопределенности постмодерна еще более усиливалась за счет прибавления новой неопределенности метамодерна и тем самым свидетельствовала об увеличении общей культурной энтропии.

Новая эпистема соединяет качества модерна и постмодерна, находится между «модернистским энтузиазмом» и «постмодернистской насмешкой» (Вермюлен, ван ден Аккер), представляет собой двойное послание, развернутое к двум предшествующим парадигмам. Его содержание имеет интенции: от модерна – к смыслу и от постмодерна – к сомнению в смысле. Обе интенции не становятся взаимным исключением, но взаимным дополнением, парадоксально преображая смысловую состоятельность. Содержательность метамодерна многозначна и не предполагает прямого следования означенным периодам, но скорее превращается в новое противостояние присутствия бытию. Исходя из некоторых характерных принципов и различий, свойственных по мысли И. Хассана, модерну и постмодерну попытаемся осуществить опыт сравнительного анализа представлений о новизне в модерне, постмодерне и метамодерне исходя из теоретических характеристик основных черт культурных эпистем XX – начала XXI в.

1. Если для культуры модерна характерным остается качество определенности и, возможно, острая потребность в поиске конкретной и осмысленной новизны, то в культуре постмодерна новое открывается сквозь пелену сомнения, неточного формулирования, неясного проявления любого новаторства, порой его бесцельной демонстрации и робкой пробы. Причиной подозрительности к новому является общая неуверенность в истинности и своевременности открытых истин, в их сравнении с уже бывшими и известными. Новизна в постмодерне выступает как **неопределенность** [3] или как «равновероятность» (У. Эко). Открытие носит частный характер специального сектора знания как выделение единичной флуктуации, способной стать началом принципиально нового, не встроенного в общую систему ценностей. Новизна открывается в провокации и неизвестности последствий. Потенциальность новизны скрыта в каждом энергичном возмущении в поле культуры. Поиск единичного новаторства окрашен неуверенностью, поскольку целое еще дремлет, а изменения начинаются с частного случая где-нибудь на периферии и проблематично, к чему изменения приведут. Новизна из постоянной величины в модерне превращается в переменную в постмодерне – в «танец новизны». Неопределенность подчеркивает неожиданный характер появления нового, что, в принципе, не является необычным для природы новизны, которая во все времена удивляла своим появлением. В постмодерне новизна всегда неожиданна в связи с отсутствием ясного воображаемого и желанного образа искомой новизны. Новизна «сваливается» как желанная удача или нежданное зло и получает ценностную формулировку: бросок игральных костей и случайность результата – в этом утверждается необходимость [4, с. 80]. Авантюризм появления новизны деформирует как идеи, так и вещи, ломая привычную логику смысла. Она способна нести разрушение созданной картине мира,

выстраивая из ее обломков новый ландшафт, подобно тому, как мощный телескоп дает возможность различить неизвестные звезды и планеты, раздвигает границы Вселенной, «разрывая» карту звездного неба. Перспективы раскрытия новизны входят в культурное пространство не как закономерный момент развития, но как результат, произвольный и зависимый от позиции субъекта, от его «точки зрения», как следствие принятого инакомыслия и пересмотра позиций. Субъективное зрение усматривает новое, формулирует его появление и свободно интерпретирует. Утрачивается интерес к истокам процессов, в расчет берутся только последствия и возможные выводы. Появление нового носит вариативный, ускользающий характер, приближается к трактовке новизны как субъективной произвольности, как необоснованного каприза и разрушения – торжества нонконформизма. Искусство отечественного нонконформизма выступило неожиданным, но наглядным примером спонтанного проявления постмодерна, поскольку многие художники, скрытые «железным занавесом», не подозревали о его теоретическом утверждении. Несмотря на пренебрежение к традиции, новое вырастает из руин старых построек, оставляет привкус сомнения в своей прибавленной ценности. Неосновательность новизны заставляет рассматривать ее как временную сенсацию.

Плюрализм и неопределенность новизны в культуре постмодерна упраздняют поиски истины, превращая истину в еще одну новость. И сама новизна приобретает все более частный характер, СМИ препарируют новости, разлагают их на отдельные фрагменты, превращают в «злобу дня». Из произвольного выбора новостей выстраивается мерцающая картина мира размытых ценностей.

Научная и художественная новизна входят во взаимное соприкосновение и дополнение в поисках близкой эстетической архитектоники. Эстетическая оценка сближает и утверждает истину/ложь. Эстетическое в данном смысле оказывает услугу, внося свою исконную смысловую гибкость в любое суждение, превращая его в суждение вкуса. Сближение науки и искусства оказывается следствием общего эстетического поворота в различных сферах человеческой деятельности. Эстетические качества и оценки становятся связью разнородных явлений, переводят новизну в художественный образ. Возможно, эстетическое становится универсальной потенцией преодоления бесконечного плюрализма постмодерна и, таким образом, создается подвижное поле неопределенности/определенности – характеристика метамодерна, возврата к более устойчивым координатам предшествующей эпохи. Романтизация субъекта в метамодерне предполагает неизменность характера и создает устойчивое поле ценностей. Неоромантизм метамодерна проявляется в стремлении объединить культуру и природу, банальное превратить в значимое, в обыденном увидеть загадочность и тайну, конечное представить как бесконечное – частный случай, отдельное событие становятся проявлением типического, оставаясь частным случаем и отдельным событием. Акценты поворотов личной судьбы обретают вселенские смыслы. Безграничный плюрализм постмодерна находит свое разрешение в условной устойчивости в координатах смыслов и возникающих ценностях новой эпистемы.

2. Если в модерне новизна входит в пространство культуры как целостное явление, изменяя своим появлением – «вдруг» весь ландшафт развития, меняя мышление, картину мира и наполняя воображаемое небывалыми фантазмами, то в пространстве постмодерна новизна возникает как часть присутствия, **фрагментарно** изменяя культурный ландшафт. Новое возникает как отдельное и частное, не связанное с осуществлением стратегий целого. Новизна проявляет себя как дискретная величина, сменившая качество, не зависимая от магистральной линии движения, и изменяет только отдельный, изолированный сектор присутствия. Фрагментарность в культуре постмодерна выступает следствием процесса производства новизны как частной истины, как выполнение специального задания, выступает результатом конкретной деятельности. Отдельный характер нового становится следствием «разбросанной множественности» [5, с. 15] социального. Утрата устойчивости социальной структуры в постмодерне проявляется в хаотическом перемещении субъекта из одной социальной группы в другую, размыванием корпоративных интересов. Ловкий и беспринципный менеджер становится героем времени.

Разобщенность ценностного мира социума оказывается следствием коллективной ризомности – множественности корней развития, которые оказываются причиной культурного запаздывания или опережения. В результате в различных очагах производства новизны возникают разнородные ценности, способные к произвольной миграции по складчатой поверхности культуры. Складки смыслов и ценностей, их сшибка и перегибы выделяют разнокачественную новизну, создают широкий спектр акцентов и оттенков в межкультурном новаторстве. Складчатая поверхность разворачивается смысловыми гранями, демонстрирует оттенки ново-

го, придает любому открытию необязательность, постмодернистскую плюральность – оттенки размывают сущность. Виртуальная коммуникация смешивает смыслы и ценности, ускоряет коллективную ризомность и расщепляет новизну как системное целое на отдельные элементы – новизна растекается по поверхности, утрачивает эффект искомой кристаллизации смыслов. Множество отдельных нововведений не изменяют ощущения стабильной стагнации, а новации выглядят как судороги деконструкции.

Как ни странно, замеченная постмодернистская фрагментарность новизны, ставшая своеобразным слепком ее поисков и открытий в разнокачественном культурном пространстве, предполагает известную целостность, идущую от воображаемого состояния законченной и закрепленной в культуре новизны, которая отображается в метамодерне. Эталоны целостной картины мира заменяют фрагменты и пустые цитаты постмодерна. Воображаемое способно соединять постмодернистскую разнородность и фрагментарность в устойчивые комплексы сближающихся смыслов. Сборка смыслов и ценностей обнаруживает стремление к законченности, соединению фрагментов мира в воображаемое целое. В метамодерне вырабатывается интенция к утраченной цельности, ясности знания и к поиску истины. Неоромантическая настроенность метамодерна все же не скрывает ставшего органичным, общего скептицизма.

3. Если в модерне авторитет признанных ценностей становился принципом отбора, систематического структурирования, выделения главного и второстепенного в процессах культуры, то в постмодерне осуществлялось **преодоление канонов**, разрушение авторитетов и метанарративов. Общим правилом становился отказ от любых правил, а основной моделью – свободное движение единичных флуктуаций. Выбор и утверждение новизны, как и пути общего развития, осуществлялось независимо и произвольно. Возникновение новаций двигалось как закрепление маргинальных возмущений поля, возникающих на культурных «задворках». Ценилась оригинальность сумасшедших идей, экстремальных опровержений. Новизна открывалась подобно истине – в «блуждающем остатке» [6, с. 48], как циничное откровение апокрифа – сообщение о неразрешенной истине. Экстравагантная новизна постмодерна вербует чутких сторонников именно в силу своей необычности и маргинальности. Притягивает экзотика нового, которая раздвигает горизонт привычного, вносит оригинальность этнических и региональных особенностей, стимулирует номадический поиск. Вызов новизны утверждает себя в постмодерне как отделенность не только от мейнстрима движения, но и от преемственности, изоляция от метанарративов. Постмодерн пронизан иронией над старой культурой, методичным ее фрагментированием – сознательным преодолением и неосознанным убийством – обесцениванием – «в мыслях будет царить поистине демократическое варварство» [7, с. 72], предсказывал Ш. Моррас.

Иерархия ценностных измерений в культуре заменяется анархией приемов, агрессивным вторжением нигилизма – насмешливым попиранием авторитетов. Отсутствие преемственности превращает культурную традицию в свободную мозаику – произвольную игру смыслов. Фрагменты направлений, культурных школ, многообразие методов исследования свободно перемещаются в культурной среде, цитируются для решения разнообразных задач создателями актуальной новизны. Культурное наследие превращено в удобное хранилище артефактов, которые можно выдергивать для создания пестрой икебаны облегченных смыслов. Произвол трактовок обесценивает авторитет метанарративов, превращаясь в спектакль.

Интеллектуалы потерпят поражение, приспосабливая продукты творчества к массовому заказу толпы, ищущей простых и острых наслаждений: посты, слава, успех будут компенсировать ремесло шута [7, с. 73], в которого превратится адаптированный интеллектуал. Всеобщий отказ от культурных канонов приводит к выдвижению и торжеству в атмосфере всеобщего плюрализма «циничных недоучек».

Между тем по принципу колебания в метамодерне возникают новые каноны, отвечающие ступенчатости и последовательности общего движения. Так, несмотря на принципиальный постмодернистский отказ от первенства элиты, потребность в новых интеллектуалах становится острой как условие дальнейшего культурного развития. Интеллектуальные авторитеты начинают определять векторы актуальности в направлениях искусства и науки. Если для постмодерна характерно преодоление социальных рамок и стирание различий между массой и интеллектуальной элитой, то в метамодерне роль элиты вновь утверждается в процессах устойчивого производства новизны. Каноны и авторитеты создаются как условие дальнейшего движения и возможность прогнозирования новизны. Точное предвидение будущего превращается в условие выживания. В отличие от модернистского энтузиазма, метамодерн пронизан скепсисом и сомнением, сквозь которые пробивается устойчивая рефлексия, соединяющая рациональность модерна и меланхолию

постмодерна.

4. Если в модерне новое открывается как одномерное и законченное, сосредоточенное в секторе присутствия, то в культуре постмодерна новизна проявляет себя как **многомерное явление**, разбросанное по всему культурному полю. Новации растекаются по поверхностным смыслам в процессах пересоздания и иронического повторении известных идей, образов и текстов. Открытые новации иронично цитируются, но остаются в поле аттракциона – всеобщего зрелища. Открытие новизны не нуждается в стилистической однородности. Для наречения и выражения нового используется свободная эклектика вербального, смыслового и ценностного – семантика применяется смело и энергично. Создается искусственный палимпсест – пестрое многообразие смыслов, эклектически соединяемые в социальном перформансе. Новизна в своем проявлении не опирается на глубинные историко-культурные основания, цементирующие преемственность развития, но открывается как анархия смыслов, произвольно используя языковые и технические новации. Так, автоматизация вторгается в новые сферы жизни, внося в них стилистику механической и материальной разнородности. Синтетика, соединение разнородного характеризует не только производство, но и ментальные практики. Новизна встраивается в культурное пространство при отсутствии стержневых идей, осуществляется пересмотр устойчивых тенденций, в переменном поле борьбы Эроса и Танатоса. Ризоморфные изменения смыслов и ценностей охватывают культурное пространство при активном соучастии социального множества.

Своевольное толкование новизны превращает избранные новации в новые культурные основания и повседневные мифы, создающие невиданные целостности: фанаты, болельщики, адепты новых верований. В метамодерне плюральная многомерность постмодерна дополняется новым мифотворчеством и установлением нарративных авторитетов. Новизна себя утверждает в воспроизведении архетипов, которые выражаются в повторяющихся исторических сериалах и традиционных ценностях. Плюрализм постмодерна заменяется поиском новых структур, способных упорядочить пространство культуры.

5. Если в модерне новизна очевидна, границы ее четко очерчены и задачи ясны, она предстает в рациональном объяснении, то в постмодерне новизна является непредставимой. Не обнаружение и **не показывание** – новизна признается по умолчанию. В постмодернистской культуре распространены установки массового сознания на непризнание новизны как условия пересмотра традиций. Новое рассматривается как угроза существующему порядку, поэтому осуществляется маскировка новизны. С одной стороны, традиции подвергаются ироническим трактовкам, но, с другой стороны, новизна выступает как область неизвестного и пугающего. Экстремальность моды в координатах повседневности оказывается реакцией на дефицит интеллектуальной новизны и, как следствие – затирание интеллектуальной элиты, связанной с культурной традицией. Новизна в постмодерне подступает постепенно, подхватываемая СМИ, и по частям проникает в сознание социального множества в виде зацепок смысловых конструкций. Навязывается цензура интеллектуальной новизны, но одновременно возникает ожидание новизны как зрелищной экзотики. Цензура политкорректности и сексизма «причесывает» новизну, стыдливо устраняет остроту телесного новаторства. Распространяются неосознанные страхи перед принципиальной новизной экзистенциальных оснований, но утверждается новизна симулякров, принимаемых как эталон для подражания. Симулятивные ценности и смыслы ожидаются и принимаются социальным множеством как необходимые и желанные зрелища, компенсирующие «конец истории». Социализация подготавливает сознание к изменениям, постепенно перестраивает социальные множества к предуготованным истинам. В метамодерне новое демонстрируется, но его частичная презентация напоминает о мерцании ценностей в постмодерне.

6. Если серьезная важность новизны в модерне подкрепляется системами доказательств и соседствует с утверждением истины, то в постмодерне истина рассеяна в возможных интерпретациях, мелькает в изменчивых смыслах, а новизна пронизана **иронией** и не принимается всерьез, подменяет собой истину. Ироничная интенция постмодерна объединяет истину и новизну, превращая этот неискренний союз в очередное шутовство. Новое объявляется сенсацией, превращается в аттракцион идей, становится зрелищем. Культурная новизна как новое блюдо вызывает любопытство, стремление отведать, но за объявленным новаторством возникает убеждение, что это уже состоялось в прошлом и вкус известен. Процесс потребления новизны упраздняет первоначальную серьезность, уравнивает новое с приготовленным продуктом. Сатира и карикатура превращаются в формы интеллектуальной оппозиции против быстро созданных и некрепких догматов. Ирония компенсирует постмодернистскую беспомощность и является достаточной для утверждения

креативности. Если «великое мировоззрение желает воспринимать только удавшееся, в кинизме же можно говорить и о том, что было сделано просто из рук вон плохо» [8, с. 436] – кривое, косое и испорченное. Изначальная ироничность по ходу движения культуры постмодерна превращается в принципиальный цинизм. Сенсация быстро устаревает, и новизна теряет ценность, равно как опции бытовой аппаратуры, постоянно обновляемые, не меняют основных принципов, но увеличивают цену и удобства процесса коммуникации. Циничная несерьезность пронизывает многие явления культуры и становится отличительной чертой произведений искусства. В отличие от циничной установки постмодерна, метамодерная гибридность открывается в новой серьезности, находя основания в угрозах экологической стабильности, экономических и политических кризисах. Метамодерная гибридность утверждает себя в постоянном оборотничестве, в искусном соединении истины и лжи, возврате к метанарративам как основаниям новой мифологии. Мифы метамодерна, кроме ценностей популярной культуры, ориентируются на воображаемое разрешение социальных проблем. Ироническая установка постмодерна не справляется с вызовами бытия, остается и сохраняется только как жанр и как последний аргумент. Осознание серьезных вызовов бытия заставляет отодвигать его угрозы с помощью искусственного изменения масштабов и акцентов. Так, климатические изменения трактуются как региональные и временные.

7. Если в модерне новизна проступает как однородность новаций, единственность и точность формулировок, то в постмодерне, несмотря на ироническое отношение к традиции, новизна пронизана **цитатами**, вставками из известного и отработанного культурного материала. Ирония и цитатность/клиповость сознания компенсируют неспособность к творчеству. В постмодерне становится редкой новизна принципов, но возникает периферийное обновление, рассеивание новизны в отдельных находках социального множества, виртуальное тиражирование – «мелочность новизны», новизна «жестов барокко» (Ж. Делез). Означающее указывает на новизну означаемого и степень его оригинальности. Вещь и знак меняются местами. Текст замещает деятельность и вторгается в производство. Неустойчивость, переменный характер смыслов означаемого превращают его в фальшивую ценность, а процесс создания новизны – в «торговлю фантазиями» [7, с. 52]. Присутствие погружается в самосозерцание и цитирование собственных продуктов, отрываясь от базовых принципов бытия.

Метамодерн в отличие от постмодерна претендует на самостоятельное творчество и оригинальное производство новизны. Цитата очищается от иронии постмодерна и превращается в новаторский принцип – подобно тому, как в религиозной проповеди, старая идея преподносится на новый лад, облекаясь в одежду современников. Архаичная тотальность социума и культ личности заменяют плюрализм постмодерна и становятся новыми ценностями, свое оправдание находят в реанимации модерна.

8. Если в модерне утверждается продуманное отношение к новациям как законченным феноменам культуры, осуществляется прогнозирование и направленное внедрение в культурное пространство, то в постмодерне новизна характеризуется свойствами **перформативности** – свободным движением открытых явлений, их произвольным наблюдением и исследованием. Процессы открытия новизны сопровождаются «карнавалом идей», набирающих смелость в невероятных предположениях и фантазиях. Мерцание новизны в культурном пространстве утверждает ее возможную обратимость – иллюзорность и условность нового, необязательность практического применения и сомнение в его значимости. Новое выступает из хаоса неведомого, но оказывается неожиданным углом зрения на старую проблему. Между тем каждое явление, как возможность самостоятельного развития содержит потенциальную новизну и свободное преломление смыслов, как сингулярное движение. Множественность смыслов становится преградой для продуктивной рефлексии. Самостоятельность субъективности, подвижность присутствия порождает бесконечную потенциальную новизну.

Новое открывает свои очертания сначала как мечта о новизне. Воображаемое переживание изменений предостерегает от практического шага и предполагает ментальное созерцание. Новации как притягивают, так и пугают. Неопределенность постмодерна, сомнение и подозрительность в культурных изменениях заставляют медлить с принятием решений, оставлять желанную новизну в сфере утопии. Воображаемая новизна живет в атмосфере театрализованности – «обществе спектакля» [4], разыгрывание иллюзорных ролей в иллюзорных событиях на иллюзорных сценах. Нетерпеливые потребители новизны превращаются в любопытных зрителей социального спектакля – действа, сведенного к приземленным интригам ничтожных персонажей. Политическое приобретает статус анекдота или фэнтези, превращаясь в зрелище для социального множества и поражая его не-

ожиданной жестокой активностью или очевидным абсурдом. Воображаемая новизна прежних исторических метанарративов сменяется микроисториями, снижающими первоначальный пафос культурного зрелища, сводя к социальному скандалу. Господствует карнавализация, пронизанная гибкой и изменчивой новизной, способной подстраиваться к условиям произвольных преобразований и культурной деконструкции. Новое обнаруживается в руинах памятников, превращает разрушение культурного фундамента в форму новаторства. Искусственный коллаж выступает уничтожением бывшего порядка и созданием новой комбинации – псевдособытий с виртуальными персонажами. Новизной становится фантастический гибрид лжи и истины – полуправды. Перформанс созданного гибрида заменяет ментальные идеологемы модерна повседневным зрелищем собственного распада. Симулятивная новизна не способна оставаться в пространстве идей, ей необходимо оказаться в процессах собственной репродукции – в бесконечном производстве симулякров, приводящем в своем итоге к вырождению культурной продуктивности. На субъективном уровне поиски перформативной новизны осуществляются в путешествиях и приключениях, приносящих непосредственные ощущения и переживание телесных и интеллектуальных перевоплощений и сопротивлений.

В метамодерне перформативность культурных феноменов обретает статус действа с продуманным сценарием. Свобода перформативного движения ограничивается изначально заданными пространством и временем. Перформанс организуется в координатах практического, обретает целесообразность. В метамодерне вновь возрождается онтология бытийных процессов – основных сценариев экзистенции. Пространство социальной сцены вновь становится естественной границей повседневной театральности субъекта.

9. Если в модерне новизна открывается в единстве означаемого и означающего, раскрытии собственной выразительности, относительном единстве вещи и ее знака, то в постмодерне рассеянная природа нового требовала новой сборки в **символичности** выражения, необходимой символической оформленности. Означаемое и означающее проявляют себя в самостоятельном функционировании и только частичном совпадении. Свободный отрыв означающего предполагает произвол обращения знаков, создающих собственные смыслы, способные творить небывалые воображаемые ценности, выраженные в художественном фристайле, в повсеместном «эффекте смеси памяти и неологизмов в культуре» [9, с. 165]. Новая символичность открывается в постмодернистском искусстве пронизанная культурной мозаикой и ироническим цитированием. Произведение видится художником и воспринимающим как дискурс, который следует осмыслить и интерпретировать – как самопроявление художественности в «открытом произведении» (У. Эко). Синтез искусств в постмодерне является продолжением общей синтетики качеств и смыслов, подчиненных принципу ацентризма, обращением к периферии культуры, угрозам устойчивости социального и психического, отсутствием единого корня. Увлечение символикой, проявившейся в подчеркнутой текстуальности, знаковом разнообразии – свидетельстве имманентности постмодернистской новизны, отрыве от бытия и сосредоточенности на новациях в пределах присутствия. «Империя знаков» (Ж. Бодрийяр) переводит новизну в грамматологию, в искусство прочтения. Структурирование множеств выражается в точных формулах экономических и социальных процессов, а массовое потребление направляется рекламными текстами и образами. «Смерть автора», равно как и «смерть произведения» (Р. Барт) в процессах обращения постмодернистского произведения указывают на «отсутствующие» структуры, представленные символически (У. Эко). Символическое выражение новизны важнее ее бытийного осуществления и потому требует не только специфического языка, сколько культурно обусловленных процедур обращения произведения. Иносказательность и загадочность новизны, как в постмодерне, так и в метамодерне раскрываются в стремлении завуалировать смыслы, придать произведению вид притчи. Метафоричность новизны, использование художественных образов и новых практик в метамодерне разворачивает содержание новизны к бесконечному поиску.

Возможно, постмодерн и метамодерн выступают различными нюансами одних и тех же процессов в рамках единой парадигмы, и их разделение окажется лишь философской спекуляцией, что разъясниться и станет очевидным спустя время. Само новое оказывается в движении, развитии собственных потенциальных возможностей, отраженных во внешне форме, в телесном и вещественном проявлении. Представления о новизне и ее трактовке постоянно обновляются, превращаются в бесконечный процесс творения и потребления нового, прибавления и изменения смыслов и ценностей. Новизна устаревает мгновенно, не успев возникнуть, превращается в подготовку к новому поиску. Внешняя форма новизны становится определяющей и формирует содержание,

которое выступает в гранях бытия. Характер оформления нового содержит желанную форму представления, когда объективные изменения обретают форму принужденного присутствия.

Иная новизна возникает в самом присутствии, в процессе расширения пространства и внутреннем взаимодействии различных его сторон, которые раскрываются в возникновении, протекании и завершении экзистенциальных событий. Иная новизна открывается в преодолении **предела** как открывшаяся панорама «запредельного», недоступного инобытия, она выступает как обновление субъективности, оказавшейся в новом ментальном ландшафте.

Список литературы

1. Hassan Ihab. The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture. Ohio: Ohio State Univ. press, 1987. XVII, 267 p.

2. Vermeulen T., Akker R. van den. Notes of metamodernism // Journal of aesthetics & culture. 2010. Vol. 2, № 1. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/jac.v2i0.5677 (дата обращения: 10.03.2020).

3. Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / под ред. К. Вульфа и В. Савчука. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2013. 246 с.

4. Дебор Г. Общество спектакля. Москва: Логос, 2000. 246 с.

5. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. Москва: Ад Маргинем, 2015. 144 с.

6. Бадью А. Манифест философии. Москва: Machina, 2003. 186 с.

7. Моррас Ш. Будущее интеллигенции. Москва: Ад Маргинем, 2003. 160 с.

8. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: АСТ Москва, 2009. 800 с.

9. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 347 с.

References

1. Hassan Ihab. The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture. Ohio: Ohio Stat. Univ. press, 1987. XVII, 267.

2. Vermeulen T., Akker R. van den. Notes of metamodernism. *Journal of aesthetics & culture.* 2010. 2 (1). URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/jac.v2i0.5677 (accessed: Mar. 5. 2020).

3. Wolfe K. (ed.), Savchuk V. (ed.). Uncertainty as a challenge. Media Anthropology. Aesthetics. Saint-Petersburg: Publ. house of the Russ. acad. of arts, 2013. 246 (in Russ.).

4. Debord G. Society of the play. Moscow: Logo, 2000.246 (in Russ.).

5. Virno P. Grammar of the multitude: to the analysis of forms of modern life. Moscow: Hell Margin, 2015. 144 (in Russ.).

6. Badiu A. Manifesto of philosophy. Moscow: Machina, 2003. 186 (in Russ.).

7. Morras S. The future of the intelligentsia. Moscow: Hell Margin, 2003. 160 (in Russ.).

8. Sloterdijk P. Criticism of the cynical mind. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: AST Moscow, 2009. 800 (in Russ.).

9. Man'kovskaya N. B. Aesthetics postmodernism. Saint-Petersburg: Aleteia, 2000. 347 (in Russ.).